

УДК 398.221(470.65)

МАТЬ ДОНБЕТТЫРОВ (ОБ ОДНОМ ПЕРСОНАЖЕ ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЫ)

Дарчиев А. В.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания (362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: dar-anzor@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению малоизученного персонажа осетинской нартиады – матери донбеттыров (обитателей подводного царства). Сравнительный анализ всех опубликованных вариантов сказаний, в которых фигурирует данный персонаж, подтверждает положение о её главенствующей роли в мире донбеттыров. Характеристики и описания матери донбеттыров позволяют говорить о её типологическом единстве с богинями-прародительницами архаичных мифологий. Образ матери донбеттыров наиболее полно раскрывается в сюжете о чудесном дереве нартов. Данный сюжет находит наиболее близкую аналогию в иранском мифе о чудесном дереве Хом / Гокарн. Сравнение нартовского сюжета и иранского мифа показывает, что устрашающая мать донбеттыров соответствует образу гигантской лягушки, которая покушается на чудесное дерево Хом / Гокарн. Не исключена, возможно, и этимологическая близость имени матери донбеттыров Уазыкъхъ с названием лягушки в иранском мифе – vazaγ. Таким образом, в основе нартовского сказания о чудесном дереве и матери донбеттыров лежит архаичный сюжет, вероятнее всего, восходящий к иранскому (дозороастрийскому) мифологическому фонду.

Ключевые слова: эпос, нарты, донбеттыры, мировое древо, лягушка, мифология, зороастризм.

DONBETTYR'S MOTHER (ABOUT ONE CHARACTER OF THE OSSETIAN NARTIADE)

Darchiev A. V.

FGBUN "The North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of V. I. Abayev of VNTS Russian Academy of Sciences and Government of North Ossetia-Alania", Vladikavkaz, Russia (362040 Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Prospect Mira, 10), e-mail: dar-anzor@yandex.ru

The article is devoted to a poorly known character of the Ossetian Nartiade, the Donbetyrs' mother (the Donbetyrs are the inhabitants of the underwater kingdom). Comparative analysis of all published versions of the legends featuring this character confirms its dominant role in the Donbetyrs' world. The characteristics and descriptions of the Donbetyrs' mother allow us to speak of her typological unity with the goddesses of primal archaic mythologies. The image of the Donbetyrs' mother is more fully revealed in the legend of the Narts' miraculous tree. This story is the closest to the Iranian myth of the miraculous tree called Hom / Gokarn. Comparing the Nartian legend with the Iranian myth suggests that the fearsome Donbetyrs' mother corresponds to the image of the giant frog that encroaches on the miraculous tree Hom / Gokarn. We cannot exclude the possibility of an etymological affinity of the name of Donbetyrs' mother, Wazyqq, with the name of the frog in the Iranian myth - vazaγ. Thus, the Nartian legend of the miraculous tree and the Donbetyrs' mother is based on an archaic plot, probably dating back to the Iranian (pre-Zoroastrian) mythological heritage.

Keywords: epos, Narts, Donbetyrs, the world tree, frog, mythology, Zoroastrianism.

В осетинской нартиаде донбеттыры – обитатели подводного мира, с которыми нарты связаны тесными родственными узами с самого начала своей эпической истории. Из донбеттыров происходит Дзерасса – жена Ахсартага и мать виднейших нартовских героев. Практически все исследователи представляют Дзерассу, прежде всего, как дочь грозного морского владыки Донбеттыра [1, с. 153; 4, с. 64; 3, с. 185]. В то же время В. А. Цагараеву принадлежит весьма интересное наблюдение, позволяющее по-иному взглянуть на иерархию в обществе подводных жителей. По мнению автора, царство донбеттыров находится под властью не хозяина, а хозяйки: «Хотя поздняя мифологическая традиция формально объявила, что это дом донбеттыра, водного владыки, мы нигде не встречаем (в основных

эпических сюжетах) божественных супругов вместе, главой подводного дома является женщина-мать» [8, с. 39]. Справедливости ради следует отметить, что существуют и такие сказания, в которых владыкой подводного царства выступает Донбеттыр, отец Дзерассы, тем не менее, в количественном отношении преобладают «матриархальные» варианты. В наиболее полном на сегодняшний день шеститомном издании осетинского нартовского эпоса интересующая нас сюжетная группа представлена 21 вариантом [6, т. I, 14–108, 467–473, т. IV, с. 17–18, т. V, 8–17.]. Отец девушки, похищавшей нартовские яблоки, упоминается в семи [6, т. I, с. 23–24, 51, 57, 70, 73, 95, 99, т. IV, с. 18]. В трёх из них Ахсартаг, попавший в подводное царство, ведёт переговоры только с отцом [6, т. I, 23–24, 95, т. IV, с. 18], а в остальных четырёх неизменно присутствует женский персонаж. В трёх случаях это бедная женщина (*магуыр ус*), у которой остановился на ночлег Ахсартаг, и при помощи которой происходят все остальные действия по исцелению раненой девушки и её соединению с Ахсартагом [6, т. I, 50–51, 70, 73]. Для чего понадобилось усложнять схему новым неясным элементом в виде посредницы между нартовским героем и правителем подводного царства? Оставшийся вариант показывает, что речь не идёт о вольности сказителя, поскольку здесь «промежуточный» женский персонаж – жена самого правителя. За исцеление раненой дочери она своей властью, как полноправная хозяйка, обещает отдать её в жёны Ахсартагу. Отцу при этом отводится второстепенная, если не сказать эпизодическая, роль [6, т. I, с. 99]. Кажется, его упоминание здесь служит лишь одному – примирению главенствующего положения матери, унаследованного, очевидно, от древней схемы сказания, с привычными для сказителя патриархальными реалиями.

Ощущение большой значимости матери или замещающего её персонажа подтверждается девятью вариантами сказаний данной сюжетной группы, где главой донбеттыров выступает только мать без какого-либо упоминания отца-правителя [6, т. I, с. 16–17, 28–29, 39, 77–78, 91, 104, 469, т. V, с. 10–11, 15–16]. Сюда же примыкают три варианта, в которых мать замещают сёстры [6, т. I, с. 43–44, 46, 63], причём в одном из них говорится, что за столом они сидят «выше» братьев [6, т. I, с. 63], то есть занимают более высокое положение во внутрисемейной иерархии [8, с. 30]. Из оставшихся двух вариантов в одном героя встречают мать и отец [6, т. I, с. 57], а в другом о родителях раненой девушки и вовсе нет никаких упоминаний [6, т. I, с. 84].

Бледная и схематичная фигура отца несопоставима с образом властной матери донбеттыров. В ряде вариантов имеются описания её выдающейся внешности, правда, диаметрально противоположного характера. В одном случае мать донбеттыров предстаёт несравненной красавицей: *æ кондаен дар, æ уиндаен дар æмбал н'адтаей* [6, т. I, с. 77] («не было ей равных в стройности и красоте»). Однако в другом варианте Ахсартаг встречает в

подводном царстве совершенно другую женщину: *Иу ус дзы бадти рабынай, Донбеттырты мад, Уазыхъхъ, ама йын загъта Ахсартагэн: “Авзар уалзæхх хурон дзыгуылой (ома зигой) аллон-хъиллоны тæф куы кæныс! Аз да ахордтаин бæргæ, бæззыдта мын дæндаг ысхъауынаен, фæла да амонд уый уыд, кæй бакодтай дахи ма уазæг, ме’варинаг, уый тыххæй дын фод хатыр, барст”* [6, т. I, с. 28] («В глубине комнаты сидела женщина, мать донбеттыров Уазыхъхъ, и она сказала Ахсартагу: – Негодный земной дзыгуылой, ты же пахнешь аллон-хъиллоном! Съела бы я тебя, сгодился бы ты мне, чтобы поковырять тобой в зубах, но твоё счастье, что ты назвался моим гостем, [попросил] моей защиты, поэтому прощаю тебя»). Когда же Ахсартаг спросил о том, чьи стоны доносятся из соседней комнаты, гневная мать раненой девушки явила ему свой ужасающий облик: *Донбеттырты уаиг, андон æфсин йæм уæд æрбазылдта цахæркалгæ цаestyтæ, сасыры чъылы йæстæй, йæ дзидзита хохы айнаджы йæстæ, йæ дæндагтæ аххæрдджы ставдæнтæ, йæ дзыккутæ та тæлтæгау (чырыны) чыргæды æвæргæ* [6, т. I, с. 28] («Тогда донбеттыровская великанша, стальная хозяйка, посмотрела на него, сверкая большими, как обод сита, глазами; её груди, как горные утёсы, зубы огромные, как потолочные балки, а её буйные волосы уложены в короб»).

Столь разительный диссонанс в изображении одного и того же персонажа связан, разумеется, не только с разными представлениями сказителей о женской красоте. Аналогичные описания матери донбеттыров встречаются в сказаниях из циклов других нартовских героев. Так, нарт Уырызмаг, попав к донбеттырам, поначалу испытывает на себе всё то же сомнительное радушие их матери, переданное сказителем, едва ли не в тех же самых выражениях, что и в приведённой выше цитате: *Бадти дзы рабынай иу дынджыр уайыг ус, сау айнаджы йас, Донбеттырты мад, Базыхъ, ама Уырызмагма йæ цаestyтæ рахъулеттæ кодта ама йын загъта: “Авзар хæххон дзигло, аллон-биллоны тæф кæныс, ды кæныс дахи ме’уазæг, æндæра дын æз ысхос кодтаин”* [6, т. I, с. 243] («В глубине [комнаты] сидела огромная женщина-великанша, величиной с чёрную скалу, мать донбеттыров Базыхъ. Посмотрела она гневно на Уырызмага и сказала: “Негодный горский дзигло, от тебя пахнет аллон-биллоном, ты назвал себя моим гостем, а не то бы я тебе показала”»). В сказании о женитьбе Хамыца, которое справедливо считается «своеобразным дубликатом» сказания о женитьбе Ахсартага [7, с. 43], главный герой также встречает в подводном царстве грозную мать донбеттыров: *Афтæмæй дын Донбеттырты стыр ссырджын уайыг мад Уазыхъхъ (ома базыхъхъ) йæ дæндагтæ бакъас-къæс кодта стонг, зыд бирагъау ама загъта: “Уæ æвзар хæххон дзиглой, аллон-биллоны тæф куы кæныс, ма уазæг дахи бакодтай, уый йеддама да бахордтаин”* [6, т. III, с. 290] («Тут великанша с огромными клыками, мать донбеттыров Уазыхъхъ (то есть дюжая, сильная) заскрежетала зубами, как голодный,

жадный волк, и сказала: “Эй, негодный горский дзиглой, ты пахнешь аллон-биллоном, ты назвался моим гостем, не то бы я тебя съела”»).

Все варианты, упоминающие огромную мать донбеттыров по имени Уазыхъхъ / Базыхъ, зафиксированы в Южной Осетии и, скорее всего, принадлежат одному сказителю. Ещё в одном сказании, записанном в Северной Осетии, встречается женский персонаж, на наш взгляд, восходящий к матери донбеттыров, но в ходе «патриархальной» эволюции сюжета оттеснённый в прямом и переносном смысле на периферию подводного мира. Безымянный сын Уырызмага попадает к донбеттырам, где у входа встречает женщину, в описании которой без труда распознаётся ужасная мать этого народа: *амæ кæсы амæ кулдуары мидæгæй иу ус бады, йæ иу ыссыр – дæларв, йе’ нна ыссыр – уæларв, ахæм. Йæ дзидзитæ – сатæг сау, йæ уæраджысæртæм хæцца кодтой* [6, т. III, с. 354] («Смотрит, а за воротами сидит женщина, у которой один клык [уходит] под землю, а другой – в небо. Груды у неё – чёрные-пречёрные, свисающие до колен»). Дальнейшие действия юноши, вероятно, указывают на связь этой удивительной женщины с древним мифологическим образом матери-кормилицы рода: *Лæппу агæпп ласта йæ бæхæй амæ дзидзитæ дæйыныл баллаууыдис амæ дзурæ: “Фадат мын наей, фæдисон дæн, æндæр – тахуды, ацы дзидзитæй дæйынай бафсæд”, – загъгæ* [6, т. III, с. 354] («Мальчик спрыгнул с лошади и принялся сосать её груди, [а потом] говорит: “О, если бы мне насытиться этими грудями! Но не могу, потому что еду по тревоге”»). За пределами нартиады трансформированный образ матери подводных жителей встречается в сказке о Чёрном Алдаре, где главный герой сталкивается с огромной женщиной, охранявшей переправу через реку и обладавшей одной отличительной особенностью, отмеченной выше у матери донбеттыров: *Усæн йæ иу ссыр уæларв, инна ссыр дæларв, уаритæ йын ахстæттæ канынц йæ дæндагты зыхъыртты* [2, с. 31] («У женщины один клык [уходит] в небо, а другой – под землю, соколы вьют гнёзда в щелях между её зубов»).

Облик чудовищной матери донбеттыров, в котором материнские черты подчеркнуты особенно (*йæ дзидзитæ хохы айнаджы йæстæ*), уводит нас к образам древних матерей-богинь, грозных, но дающих жизнь и питание, а также выступающих в виде зооморфных морских чудовищ, подобно шумеро-вавилонской Тиамат. Следовательно, фигура матери донбеттыров по имени Уазыхъхъ была включена в структуру архаичного мифа, который, как полагают, лежит в основе рассматриваемой группы сказаний о женитьбе Ахсартага. Но о каком именно мифе идёт речь? По этому поводу высказываются разные мнения. В. А. Цагараев (а вслед за ним и А. А. Туаллагов [7, с. 32]) соотносит сказание об Ахсартаге и Дзерассе с изложенной у Геродота легендой о происхождении скифов от Геракла и змея Змея [8, с. 47–48]. Данное сопоставление подкрепляется солидной аргументацией, а кроме того,

приводятся и другие аналогии, приобретающие особую важность при рассмотрении образа матери донбеттыров.

Чудесное дерево нартов является важнейшим структурным элементом сказания и, по справедливому мнению В. А. Цагараева, представляет собой образ мирового дерева, присутствующий во многих мифологических системах древности. В числе аналогий автор упоминает и чудесное дерево Хом в иранской мифологии, хотя и связывает его с другим сказанием, относящимся к циклу нарта Сослана [8, с. 90]. А. А. Туаллагов соотносит иранское дерево Хом непосредственно с деревом нартов из сказания о женитьбе Ахсартага, также считая их проявлениями идеи мирового дерева [7, с. 46]. Это весьма ценное наблюдение может быть продолжено, поскольку нартовское дерево обнаруживает и другие связи с чудесным деревом иранской мифологии.

Согласно «Бундахишну», дерево Хом, или иначе – Гокарн, предотвращает старость и защищает мир, а при воскрешении во время Последнего суда из него должны изготовить напиток бессмертия. Хом / Гокарн произрастает в середине моря Фрахвард. Но в этом же море обитает и противник чудесного дерева – чудовищная жаба, созданная духом зла Ахриманом, для того чтобы навредить Гокарну. От жабы (лягушки) дерево постоянно охраняют десять рыб под названием Кар [5, с. 289–290; 9, с. 86, 109, 242]. Почти полный зооморфизм этого сюжета как будто не располагает к сравнению со сказанием о нартовском дереве, тем не менее, оба текста имеют важные структурные совпадения: в обоих случаях в центре сюжета находится чудесное дерево, для которого существует внешняя угроза, и поэтому оно находится под охраной и защитой. В обоих случаях на дерево покушается некий персонаж, обитающий в море. В иранском мифе это демоническая жаба, в нартовском сказании – дочь донбеттыров Дзерасса, которая, по мнению В. А. Цагараева, есть ипостась Хозяйки нижнего мира, выполняющая её функции на земле [8, с. 49]. Солидаризируясь с этим мнением, попытаемся сопоставить двух морских обитательниц: мать донбеттыров и её дочь, покусившуюся на дерево нартов, с одной стороны, и демоническую жабу (лягушку), стремящуюся навредить дереву Хом / Гокарн – с другой.

Наиболее очевидное сходство матери донбеттыров и лягушки иранского мифа – их гигантские размеры. Сказитель называет мать донбеттыров великаншей, сравнивает её с горным кряжем, а противница иранского Гокарна – самое крупное из творений Ахримана. Её огромная величина характеризуется необычной способностью раскусывать надвое едва ли не все создания Ормазда [5, с. 290]. Похожей чертой наделяется и мать донбеттыров, встретившая Ахсартага не очень дружелюбными словами: *Æз да ахордтаин бæргæ, бæззыдта мын дандаг ысхъауынаен* [6, т. I, с. 28] («Съела бы я тебя, сгодился бы ты мне,

чтобы поковырять тобой в зубах»). И в это легко поверить, учитывая имеющееся во всех вариантах описание её чудовищных клыков.

При всех своих устрашающих характеристиках мать донбеттыров не обнаруживает каких-либо явных признаков зооморфизма. Однако её дочь (иначе – ипостась, воспринявшая некоторые её функции) определённо такими чертами обладает, выступая в образе разных представителей водной фауны. В одном варианте дочь Уазыхъхъ сравнивается с рыбой, а её имя – *Касагуыр* – означает «имеющая тело рыбы» и может указывать, как на способность превращаться в рыбу, так и на устойчивое зооморфное обличье. Ещё более важен другой вариант, в котором она выступает в виде лягушки [6, т. III, с. 291], что позволяет допустить (хотя и опосредованно, через дочь) возможность такого же зооморфного воплощения и для матери донбеттыров.

Очевидно, мы могли бы больше узнать о матери донбеттыров, если бы её имя – Уазыхъхъ – имело ясную этимологию. Здесь, может быть, следует обратить внимание на тот факт, что гигантская лягушка, которая, согласно иранскому мифу, покушается на чудесное дерево, в «Бундахишне» называется *vazay, vazg*, означающее «жаба, лягушка» [10, s. 261–262; 9, с. 109]. В созвучии осет. *Уазыхъхъ* и среднеперс. *vazay, vazg* соблазнительно видеть признак этимологической близости, однако такому выводу препятствуют серьёзные фонетические трудности. Впрочем, при несомненном сходстве рассматриваемых мифологических сюжетов и образов относить данный факт исключительно на счёт случайного созвучия было бы, пожалуй, преждевременно.

Итак, жители подводных глубин донбеттыры, согласно большинству сказаний, управляются матерью. Данный факт может в известной мере свидетельствовать о некоторых матриархальных чертах, присущих общественным отношениям создателей эпоса, а в области религиозных представлений – о почитании ими богини-прародительницы, черты которой столь явственно прослеживаются в образе матери донбеттыров.

Совокупный образ матери донбеттыров Уазыхъхъ и её дочери, покусившейся на дерево нартов, соответствует гигантской морской лягушке, противостоящей дереву Хом в зороастрийской мифологии. Очевидно, следует признать, что лежащий в основе осетинского сказания о нартовском дереве архаичный сюжет принадлежит иранскому (дозороастрийскому) мифологическому фонду. В то же время весьма вероятно, что дальнейшие исследования смогут выявить в этом сюжете пласты, относящиеся к более древней эпохе.

Список литературы

1. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Абаев В. И. Избр. труды. – Владикавказ: Ир, 1990. – Т. I. – С. 142–242.
2. Аембалты Ц. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2009. 512 ф.
3. Вьель К. Осетино-арийский героический мифоцикл // Эпос и мифология осетин и мировая культура. – Владикавказ: Ир, 2003. – С. 160–195.
4. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – Владикавказ, 2001. – 278 с.
5. Зороастрийские тексты. – М.: Восточная литература, 1997. – 352 с.
6. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2003. Т. I. 592 ф.; Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2005. Т. III. 712 ф.; Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2007. Т. IV. 548 ф.; Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2010. Т. V. 766 ф.
7. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2001. – 315 с.
8. Цагараев В. А. Золотая яблоня нартов. – Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 2000. – 300 с.
9. Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. – М.: Восточная литература, 2004. – 286 с.
10. Der Bundehesh. Zum ersten Male herausgegeben, transcribirt, übersetzt und mit glossar versehen von F. Justi. Leipzig: Verlag von F. C. W. Vogel, 1868. – 288 s.

Рецензенты:

Кобахидзе Елена Исааковна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Дзаттиаты Руслан Георгиевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.